

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ДАВАЙТЕ проследим творческий путь молодого актера, который сразу после окончания училища пришел работать в детский театр. Он полон сил, энергичен, жизнерадостен. Режиссер для него — господь бог. Сцена — самое святое, что есть на свете. Друзья, развлечения — все забыто. Жизнь ради искусства! Жизнь, заключенная между двумя порталами и задником. Играть только Чацкого и Ромео. Не есть дьями, дабы достичь лунной бледности Гамлета. И вдруг ему дают играть третью поганку или заднюю ногу второй лошади.

Но вот что интересно. Если и негодует молодой актер, так только в первый момент работы: преображение происходит после первого отыгранного спектакля. После первых аплодисментов. После того, как в опустевшем фойе, малыши, разговаривая с родителями, вспоминает танец поганок и, кажется, старается изобразить именно твою третью поганку слева.

Поговорите с актером Анатолием Чухновым, пришедшим сразу после училища в ТЮЗ. В числе самых любимых сказочных ролей он назовет соломенное чучело — Страшила в «Волшебнике Изумрудного города». Приятно смотреть, как работает Толя в этом спектакле. Появляется его Страшила очень смешно и по-детски представляется, удивляя «л»: «Я — Страшила!». Актер нашел особую пластику в роли: ходит и падает Страшила, как соломенная подушка. А удивляется как ребенок. Есть в этой роли синтез пластики и человеческого удивления. В общем, Страшила такой же маленький «почемучка», как и сотни тех восторженных ребят, что на него смотрят: как губка, впитывает все окружающее, стремится во всем разобраться, все понять. В этой работе всегда живет в актере желание импровизировать.

Постепенно «очеловечивая» своих героев, актер учит малышей чувствовать, понимать окружающий мир. Вот, к примеру, Олень в «Снежной королеве» или Шарик в «Двух кленах».

Отдергивает занавеску Маленькая Разбойница, и на сцене появляется Олень. Очень красивый, мудрый зверь стоит перед Гердой. И пусть вместо рогов у него скрещенные руки — от него исходит северное спокойствие и какая-то большая надежда.

Это как первое крещение, как первая ступенька к мастерству. Был соломенным чучелом. Потом перешел в породу живых существ и стал медлительно-молчаливым Оленем, еще погодя — отчаянно болтливым Шариком.

ком, и, наконец, Стражином в «Волшебных кольцах» — роли, пусть не завидной по внутреннему смыслу, но уже с маленькой человеческой задачей.

Сергей в «Проходном балле» уже сложнее, интереснее. Человек ищет свое место в жизни и проходит мимо главного. Он с детства собирает проволоочки — мама выкидывает. Ему интересна автоматика, «киберы», а мама хочет другого: чтобы ее сын хорошо «устроился в жизни» — поступил в институт, в какой угодно, лишь бы в вуз. Лишь бы имел диплом. Интересно ему это или нет — ей не важно. Чухнов говорит, что в этом спектакле для его героя переломом явилась любовь. Она помогла проявиться настоящему увлечению, мимо которого он проходил, он вырос и понял, что жить и работать ему, а не маме с папой.

Совсем иное в «Наталье и Русалочке». Здесь простой деревенский парень. Жил спокойно, любил Наталью. Синее небо, зеленая трава, речка, мотоцикл, гулянки с пирогами и частушками. Все

для него было ясно: надо просто работать, просто жить.

Приезжает столичный режиссер Василий Макарович, ставит спектакль с самородными талантами. Наталья «просыпается», начинает понимать язык искусства и уже не пройдет мимо окон, за которыми звучит Бах. Вилька не понимает того, что происходит с Натальей. Реакция его проста — «влюбилась в Василия Макаровича».

— Но в конце концов и Вилька преобразится. Я в это верю. Раз человек любит и понимает народное творчество, он способен понять и настоящее искусство, понять

за очки хватался. Я так себе Полунину и представил.

После каждого спектакля прихожу домой и записываю. Самооценка. Вроде дневника. Бывают печальные записи. Например, «Сегодня играл на зал». Плохо это. Каждый раз пытаюсь понять, как все происходит.

В спектакле «Чудо в 10 «а» — класс. В классе разобщенность. Каждый за себя. Все хотят выделиться. Кто — чем. Полунину не замечают, не хотят слушать. Он — не лидер. И от одиночества в нем возникает способность сопереживать. Полунин хочет помочь всем, кому трудно.

Спектакль прозвучал, как вопрос. Посмотри на себя, что ты есть. Познай самого себя. Но в этом вопросе уже заключено утверждение, что мы можем дать еще «Ускорение шарiku земному». И звонки звучат призывом, бунтом против бездеятельности.

Мне кажется, ТЮЗ удивительно может помочь молодому актеру. Особенный зритель — юный, не принимающий фальши, все реакции которого мгновенны, — это своего рода индикаторная бумажка. Возможность играть все, что угодно, для любой аудитории (ведь в ТЮЗ ходят не только дети): сказки, в атмосфере которых рождается и торжествует фантазия, выдумка; классику, программные произведения — им тоже нужно дать сценическую жизнь, свое новое лицо; наконец, современную драматургию. Все это обогащает актера. У него большие возможности в детском театре.

О. КУКСИНСКАЯ.

АКТЕР ДЕТСКОГО ТЕАТРА

классику. И Наталья поможет ему, — так говорит о Вильке Чухнов.

Сергей и Вилька, как черновики к Полунину — пока, очевидно, самой главной удаче актера. Он долго работал над этой ролью из пьесы «Чудо в 10 «а». Не хотелось играть самого себя. Интересней искать истоки поступков нового героя. В процессе работы происходил отбор близкого в характере героя и того, что незнакомо Чухнову.

— Полунин любил паять. Это мне близко. Я тоже люблю паять. Ты один, с кем перед тобой. Иной раз настроение — плачешь внутри, и замыкаешься в эту схему, с головой в проводки уходишь, легче становится. Так делал, наверное, Полунин. Но то, что он не подготовлен физически, — это совсем не мое. Я по волейболу первым в классе был. Спортом занимался. Пришлось долго искать его состояние. Дней десять в школу ходил, на одного мальчика смотрел. Он все время куртку одергивал. Пальцы то сжимал, то разжимал. В минуты сомнения

ВЕЧЕРНИЙ НОВОСИБИРСКИЙ
12 7 МАЯ 1975
С. НОВОСИБИРСКОМ